В114 664

И. Юдович

Возрождение

Ростиздат
1944

В114 664

И. ЮДОВИЧ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
1944

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
791421

Редактор Соколов М. Д.

ПК00215. Ростиздат № 11-7719. Объем 2 п. л. Тираж 10.000.
Типография издательства «Молот». Ростов на Дону Заказ № 602.

НА РОДИМЫЙ ДОН

Это было в декабре 1942 г.

Красная Армия стремительно гнала врага на запад.

Враг яростно защищался, как зверь, то и дело бросался в контратаки но, захлебываясь в собственной крови, бежал прочь с Донской земли, устилая позорный путь свой трупами вшивых солдат, тысячами разбитых машин, танков, орудий... И подымались на ноги освобожденные хутора и станицы, и вновь возвращались к жизни измученные фашистской неволей мужественные советские люди...

Председатель колхоза встретил нас не очень приветливо:

— Сами посудите, — ворчливо сказал он. — Каждый день ростовские приезжают и все насчет подвод разговаривают. Оно, конечно, приятно, что люди в родные края верталются, но лошадей-то у меня по пальцам пересчитать можно. — Вот беда! Ну, ладно. Грейтесь, кушайте, отвезем...

На рассвете мы выехали. Подводчик — паренек в большой лохматой папахе и чрезмерно длинном полушубке — рассказал о том, сколько хлопот теперь прибавилось у воронежского колхоза «Красный флот», расположенного в 35 километрах от границы Ростовской области.

— День и ночь люди идут. Никогда у нас столько народу не видали. А возить больше всего мне приходится. Вчера отвез, и сегодня опять надо ехать. А мороз-то какой...

Мороз, действительно, был свирепый. Чтобы согреться, мы положили вещи на подводу, а сами шли пешком.

Когда хутор остался далеко позади, мы попросили подводчика показать нам границу Ростовской области. Паренек оживился:

— Все ростовские одинаковые. Об одном и том же просят. Третьего дня мигулинского казака я вез, — забыл фамилию. Так он попросил остановить линейку, где наш район закончился. Слез, осмотрелся вокруг, стал на колени и землю поцеловал. «Родина,—говорит,—Донская степь начинается». А еще как-то женщину вез. Так она заплакала на этом месте.

Паренек призадумался, и, натянув папаху еще ниже, заключил:

— Я вот как-то прожил три недели в Борисоглебске, а потом, когда домой ехал, так минуты считал. А ростовские, небось, давно дома не были, потому—немец, подлюга, там.

Вскоре подводчик остановил лошадей и торжественно произнес: — Ну, вот и ваша область начинается.

Перед нами расстилалась бескрайняя заснеженная степь. Благословенная, родимая степь вольная Донская! Сколько же мук испытала ты от зверя фашистского, сколько слез и крови народной русской впитала ты в себя от палачей-захватчиков?! И вот — ты сбросила с себя оковы рабства и позора, и вот ты вновь расправила могучие свои шири,— свободная, блистательная, и да будешь сиять ты под солнцем жгучим Советским всегда и вечно!

Здравствуй же, моя родимая! Привет тебе и поклон низкий от твоих сынов!

Уже смеркалось, когда мы приехали в станицу Шумилинскую. В небольшой избушке разместились Областной Комитет партии, Облисполком, редакция газеты «Молот». В комнатах было людно, оживленно и как-то по-особенному торжественно и деловито. Со всех концов страны сюда съезжались партийные, советские, колхозные руководители, железнодорожники, связисты, врачи... Были здесь и донецкие шахтеры, и егорлыкские животноводы, и богаевские огородники, и раздорские виноградари. Несколько месяцев тому назад они покинули родные края и вот теперь вернулись, чтобы после изгнания ненавистных захватчиков тотчас же приняться за дело. С путевками Обкома ВКП(б) и Облисполкома спешили в освобожденные от врага районы секретари райкомов партии и агрономы, председатели райисполкомов и зоотехники, директора совхозов и председатели колхозов, врачи, учителя, связисты.

Почти всю область нашу топтал тогда кровавый фашистский сапог. Советскими были лишь станицы и хутора Вешенского и Верхне-Донского районов. Но под Сталинградом немцы были уже окружены, и в далекой, затерявшейся в степях, станице Шумилинской вновь возрождалась жизнь Ростовской области. Никто не удивлялся, когда выписывались путевки и командировочные удостоверения в районы, еще занятые немцами. Помнится: группа товарищей из Милютинского района получила путевки и заторопилась уезжать, чтобы придти в район вместе с передовыми частями Красной Армии. Другие товарищи обсуждали, как лучше проехать в Батайск. Это было еще тогда, когда в Батайске, как и в Каменске и Шахтах, в Новочеркасске и Ростове орудовали немцы.

Фронт все больше удалялся на Юго-Запад. Вечерами мы томительно ждали сообщений «В последний час» и записывали в своих блокнотах новые, радостные вести. Вот наши уже в Боковской, в Базках, в Киевском районе, и карта Ростовской области зарделась алыми флажками. Накануне новогодней ночи, прильнув к наушникам радиоприемника, мы узнали о том, что красные знамена гордо реют уже над станцией Чертково, над районными центрами Скосырская, Милютинская, Мальчевская, и ликовали, радовались советские люди славным победам родной Красной Армии, и загорались в глазах их новые огоньки жизни.

— Ну, слава тебе господи, — пошли наши, пошли вперед. Теперь

не остановишь,—с великой верой говорил старик Андронов, шумилинский колхозник, и, с гордостью показывая хуторянам свой георгиевский крест, рассказывал, как русские били германца в тысяча девятьсот четырнадцатом...

В новогоднюю ночь мы мечтали о Ростове, а донецкий шахтер говорил о Шахтах, о том, как он будет рубать уголь для своей Родины, а Семикаракорский председатель колхоза уже составлял подробный план весенних работ и все беспокоился, чтоб не опоздать к севу.

— Поспешь, — говорили мы ему. — Обязательно поспешь...

Утром первого января 1943 года в Шумилинской вышла маленькая листовка, набранная жирным шрифтом. На первом плане был традиционный лозунг: «С новым годом, товарищи!».

И все чувствовали и были уверены: новый год принесет радость и счастье благословенной донской земле.

СЛЕДЫ ЗВЕРЯ

Враг откатывался на Запад. Каждый день радио приносило все новые радостные вести об освобожденных хуторах и станицах Дона, и все ближе и ближе к Ростову передвигались с нехитрой канцелярией своей областные организации. Позади осталась Шумилинская, вот уже миновали Базки, Первомайскую, другие станицы и хутора, и глазам нашим открылась страшная картина запустения: разрушенные, сожженные хаты и колхозные постройки, разрытые бомбами и снарядами улицы, изможденные, состарившиеся от мук и лишений, советские люди.

Обливаясь горькими слезами, рассказывали колхозники о гиблой мучительной жизни в немецкой неволе, сельсоветы пачками передавали нам акты о зверствах фашистских варваров. Вот они, написанные кровью, документы:

Документ первый. 27 декабря немцы ворвались в хутор Захаро-Обливский, выгнали из домов и укрытий всех мужчин, независимо от возраста, и расстреляли их. Гитлеровские палачи убили колхозников К. Осадченкова — 78 лет, К. Забродина — 74 лет. И. Семильченко—55 лет, И. Жукова—19 лет, И. Попова—19 лет, Н. Гладченко — 18 лет, Ф. Пономарева—16 лет, И. Вчерашнего—32 лет, В. Попова—28 лет, М. Попова—30 лет, С. Киченко—37 лет и других. Кроме того фашистские изверги убили шесть пленных советских бойцов. Всего гитлеровцы расстреляли и зверски замучили 40 человек.

После кровавой расправы над мирными жителями гитлеровцы учинили повальный грабеж.

Отступая из хутора, немцы облили бензином и сожгли 13 домов, 4 колхозных амбара и свиноферму.

Настоящий акт составили: старший лейтенант Т. Рогов, красноармеец Т. Козлов, жители хутора—М. Шкапенко, Я. Яровенко и другие.

Документ второй. Перед отступлением из станицы Скосырской нем-

цы учинили кровавую расправу над мирным населением. Гитлеровские бандиты расстреляли ученика 6 класса средней школы Григория Пашутина, сотрудника больницы Леонида Перепелкина, тракториста Христофора Шилова, председателя колхоза Егора Харитонова, инвалида Никанора Лютина, колхозников Александра Широкоряденко, Андрея Шипова, Александра Семенова и других.

В местной больнице находились больные советские граждане. Фашистские изверги погнали их к реке и расстреляли. Часть больных не могла двигаться, и осталась в больнице. Гитлеровцы сожгли больницу вместе с находившимися в ней больными.

Настоящий акт составили: капитан Митрофанов, капитан Кофтунов, военфельдшер Школенко, младший лейтенант Колесников, жители станицы — М. Харитонова, М. Воронина, А. Шевченко и другие.

Документ третий. Проходившая через село Балабановка немецкая танковая часть учинила зверскую расправу над мирным населением. По приказу немецкого полковника гитлеровцы отобрали 17 семей колхозников, вывели их за село и расстреляли из пулемета. За один день фашистские палачи расстреляли 86 женщин, детей, стариков и больных. Немцы врывались в дома и грабили население. Грабежи сопровождались дикими издевательствами над мирными жителями.

Настоящий акт составили жители села: А. Демьяненко, Д. Райшакова, А. Кучмаев, представители Красной Армии — майор Облак, капитан Курочкин, военврач 3 ранга Есипович.

Документ четвертый. Отступая под ударами Красной Армии, немцы разграбили хутор Михайловку и убили многих жителей. Гитлеровцы собрали всех мужчин и на берегу реки расстреляли Никиту Балабина—70 лет, Алексея Чернухина — 68 лет, Михаила Щербину—41 года и его 16-летнего сына Александра, Федора Бойченко—41 года, Павла Бойченко—30 лет, Ивана Самсонова—30 лет, Петра Чернышева—28 лет, Ивана Дегтярева—18 лет и других жителей.

После расправы над мирным населением, немецкие солдаты облили керосином и сожгли большую часть домов хутора.

Настоящий акт составили: капитан Митрофанов, капитан Кофтунов, старший лейтенант Суворов, жители хутора—М. Угловатов, А. Щербина, П. Бондаренко, В. Швец.

У нас спрашивали: где предел, где мера подлости врага? Нет предела и нет меры.

В Морозовской мы видели изувеченного ребенка, брошенного врагами в колодец. Руки и ноги безвинного малютки были переломлены, личико обезображено так, что ребенка невозможно узнать. Мы стояли у трупа потрясенные, в глубоком молчании. Потом красноармеец-автоматчик гневно произнес:

— Стрелять их, душегубов, — мало, вешать — тоже мало. Их нужно медленно жечь каленым железом...

У ПЕПЛА И РУИН

Немцы мечтали жить в своих виллах на берегу Дона и пить Донское игристое. Они захлебнулись от собственной крови и остались гнить в донской земле. Святая месть—кровь за кровь, смерть за смерть — проникла глубоко в сознание советских людей. И на тыловых дорогах то и дело подрывались на минах танки и автомашины, падали, сраженные партизанскими пулями, враги, летели под откос воинские эшелоны.

Пенился Тихий Дон от крови, стонал от боли и горя неимоверного, но не покорился врагу. Попрежнему теплилась в душе народа большая русская жизнь и ее не в силах были загасить никакие лишения.

Помнится Базковская женщина с младенцем, укутанным в красное одеяло. Она долго плакала у разрушенной оккупантами хаты, прижимала к груди своей ребенка, а потом начала собирать кирпичи и доски, разбросанные возле разгромленной хаты.

И так всюду. У пепла и руин появлялись истосковавшиеся по труду колхозные люди, откуда-то несли спрятанные от врага топоры и пилы, и жизнь начиналась сначала. А при оккупантах эти люди «болели», притворялись «калеками».

К Обкому партии, к Облисполкому со всех концов Дона протянулись невидимые нити жизни. Приезжали работники освобожденных районов, докладывали о первых трудовых успехах, и, получив добрый совет и поддержку, спешили в родные места. В Базковских колхозах, сразу же после изгнания врага, было создано 15 ремонтных бригад, которые за несколько дней отремонтировали 100 домов колхозников. В Боковском районе открыли пошивочную и починочную мастерские, начали делать гончарную посуду, мыло. В Мигулинском, Мальчевском и других районах собирали семена к весеннему севу, починяли инвентарь, и радостно было слушать, как за много, много дней впервые звонко застучал молотом колхозный кузнец.

Это были могучие ростки возрождения.

И еще приезжали в Обком представители партизанских отрядов. Они отчитывались цифрами уничтоженных гитлеровцев и разбитых вражьих машин, сообщали о взорванных мостах и эшелонах, и, получив новые боевые задания, спешили в свои отряды.

По дорогам, на запад мчались военные грузовики, медленно двигались тягачи с пушками, со снарядными ящиками. На машинах мелькали военные и гражданские работники, возвращающиеся в родные места колхозники, рабочие, служащие.

Навстречу им шли толпы пленных гитлеровцев — унылых, понуривших головы, грязных и небритых, — и советские люди провожали их взглядами, полными жгучей ненависти и презрения. Вот они, возомнившие себя владыками мира. Горланили на всех перекрестках о сокрушении России, а русские конвоируют их в тыл.

Шли дни. Очищалась от немецкой скверны советская земля. Сидел

в плену гитлеровский фельдмаршал фон-Паулюс. Великая битва за волжскую твердыню закончилась блистательной победой русского оружия. Началось массовое изгнание врага с советской земли.

Красная Армия шла на запад. В сальских степях было наголову разбито все, что кровавый ефрейтор притянул на Дон—десятки тысяч солдат, тысячи машин, сотни интендантских складов. Уже к концу января Ремонтное, Зимовники, Орловская, Пролетарская, Сальск и сотни других населенных пунктов были освобождены от немецко-фашистских захватчиков, а далеко в терских степях лилась боевая казачья песня:

«Над терской степью шли туманы,
В долине Терек рокотал,
Нас вел товарищ Селиванов, —
Казачий славный генерал».

То на родимый Дон спешили грозные рубаки — казаки-селивановцы.

В РОСТОВЕ

Фронт приближался к Ростову.

Названия родных городов и станиц все чаще и чаще появлялись в оперативных сводках Советского Информбюро. 6 февраля нашими войсками был занят Батайск, 7 февраля — Азов, 12 февраля—Шахты, 13 февраля—Новочеркасск.

Четырнадцатого февраля по радио было передано следующее сообщение:

«Войска Южного фронта под командованием генерал-полковника т. **Малиновского Р. Я.** в течение нескольких дней вели ожесточенные бои за город Ростов-на-Дону. Сегодня, 14 февраля, сломив упорное сопротивление противника, наши войска овладели городом Ростовом на-Дону.

В боях за Ростов отличились войска генерал-лейтенанта т. Герасименко В. Ф. Первыми ворвались в город части подполковника т. Ковалева, подполковника т. Сиванкова, полковника т. Дряхлова, майора т. Дубровина. Обходом с запада занятию города содействовали части полковника т. Шапкина и майора т. Ходос».

Ростов! Милый, любимый город! Волею Красной Армии, мудростью Сталина ты свободен отныне и вовеки. Ликуй же, Тихий Дон, славь и кланяйся матери-родине, возвратившей тебя в братскую семью советскую, отцу-спасителю, родному Сталину, вдохнувшему в тебя жизнь свободную. И ликовал Тихий Дон вместе со всем народом русским, и кланялся земным поклоном матери-родине, отцу любимому Сталину, и слал в дар отчизне утаенные от врага подарки...

И вот он перед нами, опаленный пожарами, изрешеченный пулями, страшный в своем горе Ростов... Догорает краса и гордость Дона — театр имени М. Горького, еще дымятся руины театра Красной Армии,

печально смотрят обгорелые, недавно такие величественные и прекрасные здания Облисполкома, Музкомедии, Дома Советов, магазинов и учреждений. Всюду — груды кирпича и обрывки железных крыш, опрокинутые машины и вагоны трамваев, беспорядочные витки проводов и кабеля, и руины, руины вместо недавних тенистых улиц у Дона.

То тут, то там, разбросав руки, ничком лежали трупы расстрелянных врагом советских людей, — с проколотыми глазами, обезображенные до неузнаваемости.

Жутью веяло отовсюду, где несколько месяцев тому назад ходили веселые толпы людей, играли дети, бесконечною сновали изящные авто и троллейбусы. Казалось, страшный смерч пронесся над городом, и вот, опустошенный и мертвый, стоит он меж пепла и развалин и безмолвные руины его взывают к людям о мести, — неугасимой, страшной мести за эти невиданные, бессмысленные злодеяния.

И люди пришли,—мужественные советские люди в солдатских шинелях, в истертых в подвалах гражданских платьях, шли на площадь имени Кирова и слушали своих освободителей, и говорили им ласковые, полные радости и счастья, слова привета и благодарности, осыпая их цветами, обнимая их, целуя их обветренные в боях, мужественные лица — лица героев.

А—с трибуны тт. Хрущев, Двинский, офицеры и рабочие, солдаты и ученые говорили народу, городу пламенные речи. Поэт подытожил их страстными словами:

«Пусть сожжены и взорваны мосты, —
На это у врагов хватило власти.
Но им не сжечь летящей в даль мечты,
Им не взорвать горячей веры в счастье.
И, перед нами, из руин домов —
Дворцы, заводы вырастали снова,
Когда с трибуны говорил Хрущев
О будущем советского Ростова».

И впервые за много месяцев народ заулыбался, и впервые улицы Ростова зашумели от звона голосов и оркестров, как и прежде, и алые полотнища снова гордо взвились к лазурному небу, вещая советским людям радость, счастье, грядущую победу над врагом-варваром.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Ростов боролся. Великий город Дона не пал на колени перед захватчиками. Тотчас же после оккупации города десятки людей шли к скрывавшимся коммунистам, просили их дать задание и вступали в партизанский отряд донецкого шахтера Югова. Отряд назвался именем самого дорогого человека — именем Сталина, и с честью пронес великое имя это сквозь все испытания.

Сотни патриотов, чем только могли, самоотверженно помогали от-

ряду в его боевых делах. Рискуя жизнью, они давали приют партизанам во время диверсий, хранили оружие, типографское оборудование, пишущие машинки, распространяли листовки и были «глазами и ушами» партизан, добывая для них важные сведения о враге.

И горели в Рабочем городке вражеские танки, и падали, сколотые народной пулей, каратели, и исчезали со столбов телефонные провода, а кто и когда это делал — поди, узнай.

Ростов боролся... В холодный декабрьский день по одной из окраинных улиц города, тяжело опираясь на палку, шел старик в синих очках, с большой котомкой за плечами. Когда его окликнул предатель-полицейский и потребовал документы, старик достал из кармана потрепанный бумажник и показал справку. Убедившись, что все в порядке, хмельной предатель завел разговор:

— Проверять всех надо, дедушка. Партизаны пошаливают. Вчера в Рабочем городке танк сожгли, третьего дня офицера задушили — да мало ли они делают!..

— Кошмар, — перекрестился старик. — Что творится на белом свете! И неужто никого не поймали?

— Поймаешь их. Большевики все. Каждый день сажаем, да толку никакого, — шопотом прибавил немецкий холуй, озираясь, чтоб не подслушал хозяин.

Так и разминулся с врагом командир отряда т. Гуда, а на утро город наводнился листовками, рассказывавшими народу о замечательных победах Красной Армии.

Целый день охотились гестаповцы за листочками, срывая их с дверей собственной канцелярии, с заборов и витрин, но ни авторы их, ни распространители найдены не были.

Спустя немного времени отряд т. Гуды сжег фашистский танк, десять автомашин, вывел из строя подводный кабель через Дон, оставив без энергии и света Батайский железнодорожный узел и аэродром врага, а потом скрылся в Азовских плавнях.

Но борьбу в Ростове продолжал отряд имени Сталина... Поздней ночью, одетый в форму полиции, командир отряда т. Югов постучал в дверь одной из квартир в поселке Ростсельмаша, назвавшись «Полицией».

Остановившиеся в квартире предатели, что бежали из занятых Красной Армией районов, открыли двери...

На утро их нашли мертвыми. Все шесть получили то, что заслужили.

Вскоре ночью партизаны т. Югова бесшумно сняли часовых на станции Нахичевань и захватили приготовленные к эвакуации автоматы, два пулемета, тысячи патронов. И опять были поставлены на ноги гестаповцы, и опять искали фашистские ищейки отважных советских людей. И не нашли.

Спустя же несколько дней, отряд сжег склад с четырнадцатью тысячами мешков с продуктами, награбленными оккупантами и приго-

товленными для отправки в Германию, и ушел на большие дороги, по которым оккупанты везли подкрепления на фронт.

Так боролись с врагом ростовские патриоты, и добрая молва об их делах катилась по станицам Дона как пример, как призыв и веление Родины.

И верные сыны отечества — донские люди — откликались городу-борцу славными своими делами...

В Скосырском районе ружейным огнем советскими патриотами был сбит немецкий самолет. В Жолушкино партизаны уничтожили румынский гарнизон, состоявший из 31 человека и, захватив большие трофеи, скрылись в степных балках. В Зверево, при появлении краснозвездных бомбардировщиков, от военных объектов в небо взвились ракеты, и вражеские объекты взлетели на воздух. Недалеко от Криворожья на главном шоссе была взорвана немецкая штабная автомашина с офицерами и солдатами... И так везде. Народ мстил. Народ обуяло бесстрашие.

Ни расстрелы, ни виселицы, ни взятки не помогали оккупантам. В Литвиновском районе немецкий комендант, отчаявшись разыскать партизан, объявил, что «за выдачу каждого смутьяна немедленно выплачивается 10 тысяч рублей». Объявление было вывешено на всех перекрестках, но предателей не нашлось. На некоторых объявлениях появились народные резолюции:

«Русского не купите, гады!»

В Веселовском колхозе имени Летунова жил малограмотный старик Прохор Летунов, родственник героя гражданской войны, именем которого названа сельхозартель. В дни оккупации старик встретил в степи скрывавшегося раненого лейтенанта Красной Армии и решил спрятать его на некоторое время в хуторе. Темной ночью он привел его к себе в хату. Об этом прослышали немцы, но обыск не дал никаких результатов.

Летунова арестовали. Однако, угрозы и пытки не сломили волю патриота, и он не сказал о лейтенанте ни слова. Тогда Летунова повели виселице. На сельскую площадь палачи согнали всех жителей хутора, комендант на ломаном русском языке заявил:

— Скажешь где партизан — домой отпустим.

Летунов гордо поднял седую голову и громко произнес:

— Вешайте, сволочи. Предателем я не стану.

Когда палачи накинули на него петлю, кто-то пробился из толпы заявил:

— Не вешайте его. Я скрывался у него.

И перед палачами предстал спрятанный колхозником лейтенант асной Армии.

Немецкий комендант тут же застрелил лейтенанта, а Летунова приказал повесить.

Позднее Прохор Летунов был посмертно награжден медалью «За боевые заслуги».

... Маленький хутор содрогался от разрывов. Со звоном вылетали из окон стекла, ураганом врывался в хаты ветер, и тогда еще оглушительней рвались снаряды, строчили пулеметы, и казалось, — бой шел под окнами, и громовое «Ура!» заглушало голос колхозника Платона Прокофьевича Радюка.

— Свои или опять проклятая немчура?

— Нет, кажись, наши, — говорил он жене.

Хутор переходил из рук в руки. Людей охватывало отчаяние при одной мысли, что фашистские изверги снова будут властвовать над ними.

Уже вечерело, а битва не затихала. Где-то совсем близко простонал человек. Колхозник Радюк вышел во двор, и у самого порога увидел лежавшего на снегу человека. «Не немец ли?» — подумал старик, но услышал родную русскую речь:

— Помогите...

Радюк перенес раненого в избу, уложил на кровать. Жена его и дочь перевязали раны бойца, дали ему воды, и человек очнулся.

— Помогите, люди добрые... Там, за хатой, еще есть наши,— слабым голосом сказал он.

Платон Прокофьевич Радюк вышел на улицу и у калитки, в луже крови, обнаружил другого раненого...

К рассвету в хате уже было 22 раненых бойца. Марфа Корнеевна Радюк израсходовала на них все свои бинты, потом в дело пустила простыни, белье и, наконец, разрезала на части свою последнюю сорочку.

А старик ходил по хутору и, по просьбе бойцов, узнавал о ходе боя.

Вскоре выяснилось, что наши временно отступают. 12 легко раненых бойцов собрались уходить. Радюк дал им по куску хлеба и рассказал о подходящей дороге.

А десять бойцов — тяжело раненных — остались в избе, устроившись кто на кроватях, кто на сундуках и свежетесаных лавках.

В семье Радюка началась скрытая, напряженная жизнь. Вокруг рыскали немцы, но им и в голову не приходило, что в хуторе скрывается подпольный госпиталь.

На девятый день, поздно вечером в дом Радюка вошли два немца и, угрожая автоматами, закричали:

— «Рус! Большевик зольдат в школа. Живо!» — и ушли.

Колхозник Радюк знал: раз в школу—значит, бойцы будут сожжены, как было в соседнем хуторе. Тогда он взял топор и стал у двери, а рядом, с ломом в руках, поставил жену.

Долго стояли советские патриоты, готовые на все, как вдруг ночную тишину разорвала оглушительная канонада. И сразу в избе стало оживленно, лица бойцов просветлели и они позвали своих спасителей:

— Папаша, мамаша, — можете уйти с поста — это наши бьют.

Вскоре хутор был снова занят Красной Армией...

На митинге Командование наградило Платона Прокофьевича орде-

ном «Красной Звезды», а жену его Марфу Корнеевну медалью «За боевые заслуги».

Так, в трудную годину служили отчизне своей верные сыны ее и дочери — скромные люди Тихого Дона.

Мужественный поступок совершил другой колхозник Дона — Андриан Макарович Стерлев, из Песчанокопского района.

...В тяжкие дни нашествия немецко-фашистских душегубов на станицы Дона вражеские танки окружили 43 Гвардейский стрелковый полк. С каждым днем положение полка становилось все тяжелей, но советские воины сражались до последнего вздоха. Знамя, святыня полка, находилось в машине начальника штаба майора Калинина. В разгаре боя снаряд разметал машину, майор был тяжело ранен. Тогда знамя принял капитан Леонов, но вражеская пуля настигла и Леонова, и знамя подхватил старший лейтенант Васовский.

Смерть, как призрак, бродила вокруг. Знамя кочевало из рук в руки и, наконец, попало к штабному офицеру, лейтенанту Громашеву, но случилось так, что лейтенант отбился от своего полка. С полковым знаменем, спрятанным на груди, раненый, он путаными степными дорогами пробирался к своим, и встретил Андриана Макаровича Стерлева. Выбившийся из сил, офицер поведал старику свою сокровенную тайну, и старый колхозник сказал:

— Знамя русское и я русский.

Ночью они бережно зарыли знамя в землю, прикрыли яму дерном, а сверху, для маскировки, наложили копну сена.

Старик дал лейтенанту гражданскую одежду. Прощаясь с ним, Громашев сказал:

— Буду пробиваться к своим. Храни, отец, знамя. Мы еще вернемся.

Шесть месяцев издевался и бесчинствовал враг на хуторе и каждый час колхозник Стерлев ждал: вот придут, удастся ли сберечь знамя? Для верности он несколько раз перепрятывал его с места на место, поставил жену на колени перед иконой, и она поклялась сохранить тайну о знамени, ночью выходил во двор и проверял, все ли у него в порядке, и так только и жил тем, чтобы свято выполнить свой долг. А через шесть месяцев пришла Красная Армия. Тотчас же к старику явился лейтенант Громашев.

— Отец, я тебе доверил знамя полка, — взволнованно сказал он, и старик успокоил его:

— Целое, целое, сынок.

Они обнялись, и на глазах у обоих выступили слезы радости.

Потом Громашев рассказал: полк вырвался из окружения, но за потерю знамени был сурово наказан — его расформировали.

Теперь полк получит право на существование. И действительно, вскоре полк был вновь сформирован. На первом параде присутствовал почетный гвардеец полка, кавалер ордена «Красное знамя», Андриан

Макарович Стерлев. Вместе с командиром полка старик принимал парад, и воины с восторгом смотрели на убеленного сединами, благородного русского человека, и каждый мечтал иметь такую же душевную силу, как Андриан Макарович Стерлев, песчанокопский колхозник.

Это делали люди, чьи имена мы узнали после освобождения Дона от фашистского ига. А сколько безымянных героев живет в народе нашем, тех, чьи скромные, благородные подвиги спасли тысячи советских жизней от немецкой неволи!

Вот как служили отечеству эти безвестные патриоты.

...Это было летом 1942 года. Немцы вели большую группу пленных красноармейцев из Морозовской в Миллерово. В нестерпимую жару, понурив головы, голодные и оборванные шли советские люди в неволю немецкую, падали от истощения и вновь шли, подгоняемые прикладами и плетками врага, а кто отставал — того пристреливали.

Среди пленных находились однополчане, — военный врач Смирнов, капитан Сапожников и лейтенант Асмолов. Они шли рядом, угрюмые, подавленные, и тихо вспоминали картины последнего боя. Окруженные, они сражались с врагом до последнего патрона, но не пробились к своим и вот — плен.,,

Миллерово. На перекрестках улиц стояли люди и, не обращая внимания на грозные окрики конвойных, со слезами на глазах передавали пленным хлеб, молоко, яйца.

— Кушайте, родимые..,

На одном из перекрестков показались автомашины. Пленные посторонились и смешались с группой женщин. И в этот момент врач Смирнов почувствовал, что ему сунули подмышку какой-то сверток. Он машинально прижал руку и, оглянувшись, увидел худощавую женщину в красном сарафане. Она приветливо кивнула ему головой и отвернулась. Потом такой же сверток получил и капитан Сапожников.

В лагере все объяснилось: в свертках оказалось гражданское платье: старые, заплатанные брюки, косоворотки, чувяки. В записках одной и той же рукой было написано:

— «Уходи от немца, спасай Родину.

Шура».

Медлить было нельзя. Пленные расположились на траве. Можно было спрятаться за спину товарищей, переодеться, а потом пристроиться к людям в гражданском платье, что по приказу немцев только еще огораживали лагерь колючей проволокой.

Смирнов и Сапожников переоделись и пристроились к работающим. Те заметили новичков, но никто не проронил ни слова, и все вместе вышли на улицу.

Также был выведен из лагеря и лейтенант Асмолов, а спустя несколько времени друзья перешли линию фронта и снова были в части.

Кто была эта благородная русская женщина в красном сарафане,

и жива ли она, — неизвестно. И таких в нашем народе тысячи. Спасая жизни своих советских людей, эти скромные, неприметные люди считали нескромным назвать себя потому, что они делали то, что сможет сделать всякий советский человек и не видели в поступках своих ничего особенного. Но народ знает их и дарит им хвалу и любовь свою за мужество и смелые подвиги во имя победы.

СЧЕТ МЕСТИ

Незадолго до войны, путешествуя по СССР, Ростов посетила дочь бывшего американского посла в Германии, Марта Додд. В Америке она выпустила книгу «Из окна посольства», разоблачающую Гитлера и его кровавую банду. Рассказывая о жизни Советского Союза, американская журналистка особенно тепло отзывается о Ростове, о его красивых, тенистых улицах, о замечательных благоустроенных домах, о чудесном городском театре, о дворцах, выросших на окраинах, о первоклассных предприятиях, построенных на пустырях.

Если бы Марта Додд прошлась по Ростову в феврале 1943 года после освобождения его от фашистских палачей, она написала бы еще более резкую, обличительную книгу о гитлеровском разбойничьем государстве, хотя американскую журналистку никак нельзя обвинить в излишней мягкости...

Что они сделали с нашим прекрасным городом! Мы знали в Ростове каждый уголок и с закрытыми глазами могли бы пройти по любой улице. Но вот в нем побыли варвары и родимый город стал неузнаваем. Чужие, страшные черты лежали на всем, что было так близко, и трудно было узнать даже родную школу, где прошло детство. Ни один дом, ни одна улица не избежали тлетворного прикосновения врага. Из цветущего, бурлившего жизнью, Ростов превратился в город руин и пепла, развалин и горя.

Вот наш счет мести фашистским вандалам — акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Ростове-на-Дону, составленный после его освобождения:

«Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о нижеследующем: после занятия Ростова немецкий комендант города, генерал-майор Киттель, организовал массовое истребление мирных жителей города. Многие сотни граждан были обязаны, вместе с детьми, явиться на сборные пункты, захватив с собою ценные вещи и трехдневный запас продовольствия. На сборных пунктах явившихся сажали на грузовики и вывозили за город. В районе Ботанического сада и Зоопарка взрослых расстреливали, а детей отравляли, смазав им губы сильнодействующими ядовитыми веществами. По неполным данным, немецкие палачи расстреляли и отравили 15—18 тысяч человек. Среди расстрелянных — заведующий глазным отделением 2-й советской больницы доцент Киршман, врач-терапевт Ингал, юрист Луцкий, заместитель ди-

ректора завода имени Ворошилова Буняков и его жена, доцент Новиков, его мать — 70-ти лет, жена и 8-летний сын, доктор Шершевская, медицинская сестра Симанович, токарь Павловская и другие.

За время оккупации города, особенно перед его оставлением, немецкие варвары разграбили, взорвали и сожгли многие промышленные предприятия Ростова. Разрушены завод Ростсельмаш имени Сталина, завод «Красный Аксай», паровозо-ремонтный завод имени Ленина, колбасная фабрика «Красная звезда», консервный завод «Смычка», чугунно-литейный завод имени Воровского, мукомольно-макаронный комбинат № 2, механический завод имени Ворошилова, один из крупнейших в стране механизированный хлебозавод, ростовская электро-теплоцентраль, автобусный парк, трамвайный парк, трамвайная и троллейбусная сеть по всему городу, почтамт и телеграф, типографии, водопровод, канализация, кино-механические мастерские, различные пищевые фабрики, комбинаты и другие крупнейшие предприятия и сооружения.

Немецкие варвары сожгли свыше 2 миллионов книг Областной государственной библиотеки и разорили 25 библиотек. Ценнейшие книги, являющиеся редкостью и представляющие огромную научную ценность, были уничтожены или вывезены в Германию. Оккупанты разрушили основные корпуса центральной городской больницы, 1-ю, 3-ю и 4-ю поликлиники, поликлиники железнодорожников и другие. Некоторые больницы были уничтожены вместе с находившимися в них больными. Фашистские мародеры вывезли из больниц в Германию ценнейшую медицинскую аппаратуру и инструменты.

Варвары разрушили и сожгли лучшие общественные здания города: Дом Советов, гостиницы «Интурист», и «Интернационал», драматический театр им. Горького, театр Эстрады, театр Юного зрителя, театр Музыкальной комедии, кинотеатры «Гигант» и «Хроника», Дом просвещения, Дворец культуры завода Ростсельмаш имени Сталина, клубы профсоюзов электриков, медсантруда и работников связи, Институт инженеров железнодорожного транспорта, научно-исследовательские лаборатории и клиники Ростовского медицинского института, Педагогический институт, здание физико-математического факультета Университета им. Молотова, Техникум связи, Строительный техникум, музыкальное училище, свыше 50 средних школ, Музей революции, Музей Краеведения, академическую библиотеку и другие.

Взорваны и сожжены все жилые дома по улице Энгельса, от вокзала до Ворошиловского проспекта, большая часть зданий по Пушкинской, Шаумяна и Социалистической улицам, начиная от вокзала до Буденновского проспекта, а также значительная часть помещений и жилых зданий по Буденновскому, Театральному и Ворошиловскому проспектам, в поселке «Ростсельмаш», Олимпиадовке и других местах. Парк имени Горького был гордостью ростовчан. Немецкие варвары вырубили в парке самые ценные деревья, разрушили фонтаны и павильоны.

Разрушение общественных и жилых зданий происходило следующим образом: специальные команды саперов — поджигателей и подрывников закладывали мины, взрывали здания, остатки обливали бензином и поджигали. Бандиты даже не считали нужным предупредить об этом жителей. Под обломками разрушенных зданий погибли сотни людей.

Под угрозой расстрела гитлеровцы отправили многих жителей Ростова на каторгу в Германию. По приказу коменданта города все мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 15 до 50 лет были зарегистрированы. У них были отобраны паспорта. Затем зарегистрированные собирались в сборных пунктах. Под угрозой расстрела их сажали в вагоны и отправляли, как скот, на запад. Таким образом были отправлены в Германию многие тысячи советских людей.

Жители Ростова были обречены на вымирание от голода и болезней.

Отступая под ударами Красной Армии, немецкие оккупанты казнили в городской тюрьме 135 арестованных жителей Ростова. Перед этим палачи подвергли свои жертвы страшным пыткам — отрезали носы, выкалывали глаза, отрубали ноги, руки. После этого гитлеровцы взорвали здание тюрьмы вместе с находившимися в нем заключенными советскими гражданами. Во дворе тюрьмы обнаружено 1.154 трупа, в том числе 122 трупа женщин и 57 трупов детей. Среди расстрелянных и замученных в тюрьме опознаны трупы инженера Георгия Жданова, работницы Анны Михайловой и других.

Улицы и площади Ростова, обагренные кровью мирных советских граждан, носят следы чудовищных преступлений немецко-фашистских подлецов.

Одержимые звериной злобой к советскому народу, к нашей культуре, ко всему русскому, гитлеровцы разрушили все, что создано русским народом за долгие годы существования города и все, что создано советскими людьми на протяжении 25 лет. Разрушения эти отнюдь не вызывались военными соображениями.

Кровь наших братьев, сестер вопиет о мести. От имени всех граждан города Ростова на Дону мы требуем сурового возмездия бандитам за все их мерзкие и гнусные злодеяния.

Акт подписали: и. о. председателя исполкома Ростсовета депутатов трудящихся С. Бурменский, инженер пивоваренного завода «Заря» И. Звензек, профессор Н. Стасевич, профессор В. Корницкий, майор Я. Донской, майор П. Седов, капитан А. Токарь, рабочий артели «Метиз» А. Дибров, уполномоченный поселка «Новый городок» А. И. Макеева, мастер Ленгавода В. Бочаров, техник фабрики имени Микояна С. Токарев».

Вот он, счет нашей мести. Мы ничего не забудем и ничего не простим фашистским погромщикам!

Пройдут годы. Могилы ненавистных оккупантов зарастут бурьяном и чертополохом. Город полностью залечит раны, но из поколения в по-

коление люди будут рассказывать о проклятом тирольском шпике, огнем и мечом насаждавшем свой «новый порядок» — хаос и разрушения, голод и смерть.

ПЕРВЫЙ ГУДОК

Февраль 1943 года. Нет воды, нет хлеба, нет света. Над домами редко можно было увидеть дымок. В квартирах замерзала вода, в них не было стекол, в просветы врывался морозный ветер. Люди спали в шубах, сверху укрывались одеялами.

Ребятишки, ежась от холода, спрашивали:

— Мама, скоро будет хлеб, — правда?

Прежде шумная и нарядная улица Энгельса, по которой вечером трудно было пройти, теперь стала глухой и пустынной.

Тяжелые дни переживал город, истерзанный и обезображенный врагом. С чего начинать восстановление? То-ли думать о выпечке хлеба, то-ли о ремонте жилищ, о воде, о школах, о поликлиниках...

Никогда, пожалуй, перед ростовчанами не возникало так много неотложных забот. Нужно было вдохнуть жизнь в развалины, отвоевать все у разрухи.

Город испытывал огромные лишения, но все были спокойны. Люди знали: раз пришла советская власть — все станет на свое место, никто не будет обездолен. И ростовские большевики, засучив рукава, взялись за дело.

Областной Комитет партии и Облисполком прибыли в город.

На заборах появились листовки, и тысячи ростовчан с жадностью читали пламенные их строчки:

«К гражданам и гражданкам города Ростова на Дону. Дорогие товарищи! Шесть с половиной месяцев немецко-фашистские захватчики орудовали в нашем родном Ростове, топтали своими грязными сапогами наши улицы и очаги. Никогда не забудут ростовчане кошмарных дней фашистской оккупации, когда рекой лилась народная кровь. Чудовищны злодеяния гитлеровского зверья. Тысячи расстрелянных и замученных советских людей, разрушенный город — вот злодеяния гитлеровской бандитской армии.

Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Советского Союза товарищ Сталин в своем приказе от 7 ноября 1942 года писал: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник».

Предвидение товарища Сталина оправдалось. На нашей улице наступает праздник. Пришел час возмездия, сурового возмездия фашистским извергам за все преступления, за горе и страдания, которые принесли они нашему народу, нашей миролюбивой стране.

Наша область почти полностью очищена от немецко-фашистских мерзавцев. Сейчас освобожден и Ростов. Славное Красное знамя вновь

рест над нашим родным городом, наполняя сердца всех трудящихся великой радостью. Слава героической Красной Армии, изгнавшей фашистские банды из Ростова! Слава товарищу Сталину — нашему вождю и полководцу!

Наша задача состоит сейчас в том, чтобы быстрее залечить раны, восстановить хозяйство, вновь поставить его на службу Родине. Все наши силы, всю энергию нужно сейчас направить на окончательный разгром врага.

Трудящиеся Ростова! Восстанавливайте свои предприятия, возрождайте выпуск продукции, нужной фронту и стране, приводите в порядок родной город. Пусть жизнь, настоящая советская жизнь, забьет ключом во всех уголках нашего родного Ростова.

Соблюдайте советский порядок. Бдительно относитесь к происках вражеских агентов, оставленных в городе немецкой полицией, разоблачайте их и передавайте в руки советских властей. Крепите оборону города.

Приветствуя и поздравляя трудящихся города Ростова на Дону с освобождением от фашистского ига, Ростовский Областной комитет ВКП(б) и Исполком Областного совета депутатов трудящихся призывают всех граждан сплотиться вокруг славной коммунистической партии большевиков и органов советской власти для осуществления стоящих перед нами великих задач — разгрома врага и восстановления города, разрушенного фашистскими варварами.

Да здравствует великий полководец страны Советов товарищ Сталин!

Да здравствует наша славная Красная Армия, освободившая Ростов, освобождающая всю советскую землю от немецко-фашистских захватчиков!

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)!

РОСТОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)
ИСПОЛКОМ РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

И Ростов начал залечивать раны. Увлекаемые партийными и непартийными большевиками, люди с утра до позднего вечера, а порой и целыми сутками, не уходили с предприятий. По частям, по винтикам собирались взорванные машины, находились детали, раскапывались запрятанные от оккупантов инструменты, разбирались обвалившиеся стены, очищались заводские помещения.

Вот завод «Красный Аксай»... Огромные рваные пробоины на крышах. Серые глыбы бетона, повисшего на железной арматуре. Погнутые тавровые балки. Изрешеченные пулями стены заводских корпусов. Перепаханный снарядами и бомбами двор.

С чего начинать? Старый слесарь Дмитрий Петрович Перцев с

болью в сердце осмотрел этот бурелом обгорелого железа и стали, и начал собирать шестеренки, гайки, шайбы, разбросанные вокруг... И вслед за ним за дело принялись десятки других людей.

— Наведем порядок, «Красный Аксай» будет жить, — вот посмотрите, — говорил старик и неутомимо разгребал груды железа.

А 20 февраля на «Красном Аксае» уже был нормальный рабочий день. Во всех цехах кипела работа, и каждую минуту обнаруживались приятные сюрпризы. Полгода допытывались немцы, где находятся оставленные в городе заводские ферро-сплавы, и ничего не узнали. А 20 февраля ферро-сплавы нашлись и были пущены в дело. Нашлись и другие материалы и инструменты, в свое время спрятанные от врага. И завод начал свою трудовую деятельность.

На Ростсельмаше, на заводе имени Ворошилова, на ДТГФ — везде с лопатами и ломами в руках, трудились советские люди, возвращали к жизни родные предприятия.

Вот вокзал... После многих бессонных ночей патриотов над руинами вокзала появился дымок, и раздался свисток паровоза. На первый паровоз сел машинист Камардин. Волнуясь, он сказал своему помощнику:

— Дождались, браток. Ну, в добрый час.

Оживший паровоз привычно зашипел и двинулся вперед, и сотни железнодорожников, словно впервые видя машину, долго провожали его сияющими глазами.

Так начал возрождаться Ростовский железнодорожный узел, а спустя несколько дней в сторону Таганрога, до ст. Хапры, отправился первый поезд.

Вот первое собрание на фабрике имени Микояна... В тесной конторке собрались старые кадровики. Говорили долго, обсуждали, с чего начать возрождение фабрики.

Артем Павлович Демиров высказал свою мысль:

— Я думаю так: нужно, прежде всего, позаботиться о наших освободителях, о Красной Армии. Давайте, товарищи, и фабрику восстанавливать, и засядем за ремонт красноармейской обуви.

Его поддержали все, потому что он высказал сокровенные думы каждого, и дело пошло. На завтра возник ремонтный цех, и каждый день воинские части получали от него полтораста пар добротно починенной обуви.

Вот завод имени Октябрьской революции... Машины неисправны, станки тоже, а больше ничего нет. Тогда жестянщик Мазуров и начальник цеха Гриненко решили организовать работу вручную. Собрав людей, они посоветовались, поговорили, а уже к 1 марта завод выпустил 10000 книжек-спичек и много сотен армейской посуды.

Горисполком и Райсоветы начали кропотливую работу по восстановлению коммунального хозяйства города. На улицах Ростова появились вывески: «Парикмахерская», «Баня», «Столовая», «Детский сад»,

«Амбулатория», «Консультация»... Сейчас они уже примелькались, но тогда каждая новая вывеска волновала и радовала как событие. Особенно деятельно трудились домохозяйки. Они сами заделывали оконные просветы, пробоины в крышах, находили строительные лесоматериалы, и дома оживали и над ними все больше и больше курился дымок.

Особенно активно домохозяйки помогали Красной Армии. Они стеклили окна, белили комнаты, чинили потолки, полы, собирали посуду, постельное белье, кровати, и в уютных, безупречно оборудованных комнатах, размещались раненые защитники Родины, окруженные любовью и лаской освобожденных ростовчан.

... Постепенно город залечивал раны, и жизнь вступала в свои права. Выходила газета «Молот». Работала почта. Началась выпечка хлеба. Открылись поликлиники. Появилась вода. Детвора села за парты. В холодном зале театра шла оперетта «Роз-Мари». С каждым днем менялся облик города, приводились в порядок улицы, сглаживались чужие черты. Особую заботу советские органы проявили о семьях фронтовиков. Вот какую помощь получила семья фронтовика Крюкова. В феврале, после изгнания немецких захватчиков, представители районного совета застали семью в самом тяжелом положении. Жена Крюкова и шесть его детей болели тифом, голодали, жили в холодной квартире.

Крюковым тотчас была оказана помощь. К ним прикрепили специального врача, отпустили продукты и топливо. Как только дети выздоровели, троих прикрепили к столовой, а остальных отправили на два месяца в новую детскую здравницу. Это лишь один из многих примеров. Делалось это в первые дни после освобождения Ростова, и невольно вспоминается Маяковский, говоривший устами литейщика Ивана Козырева по поводу вселения его в новую квартиру:

— «Очень правильная
эта,
наша
Советская власть».

5 марта в газете «Молот», которая по своему размеру больше напоминала тогда листовку, появилось короткое объявление. Сейчас, а тем более в мирные времена, подобное объявление ничем не примечательно, но в мартовские дни 1943 года оно прозвучало как сенсация и вызвало целое паломничество в редакцию. Вот это объявление:

«Управление Азчерэнерго предлагает всем потребителям электроэнергии (предприятиям, учреждениям и организациям) представить к 6 марта 1943 года заявки на минимальную потребность электроэнергии со следующими данными: 1. наименование и адрес потребителя, 2. срок, к которому необходима подача электроэнергии, 3. мощность в киловаттах...».

— Когда будет электроэнергия? — наперебой спрашивали представители предприятий, осаждавшие редакцию газеты «Молот», и, получив желаемый ответ «скоро, на-днях» — спешили на заводы и

торопили строителей. И строители торопились. Днем и ночью они очищали здания цехов, заделывали пробоины, стеклили окна, делали фундаменты под станки — да разве можно перечислить все, что делали люди в первые дни? Люди отрешились от всего. Была только одна мысль, одно желание — скорее пустить станки, скорее дать продукцию фронту.

И героический труд людей Ростова увенчался первыми победами.

На судоремонтном заводе «Красный моряк», как и везде, в обновленных цехах ровными рядами уже стояли собранные машины и ждали пара. В паровом котле сменили негодные колосники, отремонтировали арматуру, но водопровод еще не работал, и не было воды. Тогда краснофлотцы раздобыли пожарный насос, шланг, прорубили во льду лунку и котел получил воду. А ранним утром следующего дня кочегар Василий Белоконь открыл вентиль паропровода и лензаводской рабочий поселок огласил гудок. Люди удивленно переглянулись меж собой и заулыбались от счастья.

Это был первый заводской гудок в освобожденном Ростове. Слушал гудок 50-летний токарь-коммунист Гавриил Константинович Ксенофонтов, который провел на заводе не одну ночь без сна, и со слезами на глазах говорил жене:

— Наш, наш кормилец, родимый гудит. Слышишь? — и побежал на завод, возбуждённый от счастья.

На заводе уже собрались стахановцы и оживленно обсуждали событие: ожил, заработал, родной, а ведь недавно был мертвец. И сердце каждого наполнилось гордостью за труд свой, за народ русский, за прекрасную советскую отчизну.

Не было в этот день на заводе человека, который не выполнил бы меньше двух норм.

Так, руководимые партией Ленина — Сталина, вдохновляемые славными победами доблестной Красной Армии, ростовчане-большевики партийные и непартийные залечивали раны, нанесенные городу фашистским зверем.

И вся страна помогала им в их самоотверженной работе. Эшелоны леса и угля, тракторов и промтоваров непрерывным потоком двигались к Ростову. С огромной признательностью партии и правительству читали ростовчане постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета большевистской партии «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Это постановление стало боевой программой возрождения Ростова и области и еще больше вдохновило людей на новые творческие подвиги. И люди творили буквально чудеса.

Трудовой героизм стал обыденным явлением. И никто не удивился беспримерному поступку водопроводчика Салтовского. Рискуя жизнью, он прыгнул с аэростата на сорокаметровую башню для того, чтобы закрепить такелажное приспособление для ремонта башни. Иначе на

возведение лесов вокруг такой высокой башни понадобился бы целый месяц. А время не ждало. Нужно было быстрее дать воду городу. И отважный водопроводчик совершил этот необычно смелый прыжок.

ВОЗДУШНЫЕ ЧАСОВЫЕ

Небо над Ростовом было неспокойно. В Таганроге сидел враг, и мирный труд ростовчан нарушался фашистскими стервятниками. Мстя за свое поражение и потерю «ворот на Кавказ», враг любой ценой пытался парализовать возрождение города, терроризировать людей и свести на-нет все их трудовые успехи новыми варварскими разрушениями.

И к Ростову шли сотни вражеских самолетов. Но небо над городом было советским, и зорко охранялось нашими доблестными Сталинскими соколами. Им, этим советским ассам, обязаны ростовчане. Это они день и ночь охраняли покой наш и созидательный труд, и имена их должны знать все.

... Меткая очередь из пулемета. Пламя охватило баки с бензином. С самолета поспешно выпрыгнули люди, приземлились и трусливо подняли руки вверх. Несколько часов назад командир фашистской эскадрильи дал им задание лететь на Ростов. Они прилетели, стрелок Франц Шенборн и пилот лейтенант Туже Лео, прилетели, и вот кончилась их карьера воздушных пиратов и началась жизнь военнопленных.

Немного освоившись, немецкий лейтенант заговорил. Он безнаказанно летал над Югославией и Грецией, над Францией и Бельгией, и бесславно приземлился на Донской земле, а его «Юнкерс-88»—сгорел.

Победитель пирата летчик Смахтин, которому передали о желании немецкого лейтенанта повидать его и поговорить, усмехнулся и сказал:

— Я с ним «разговор» закончил.

Воздушные часовые Ростова предпочитали «разговаривать» с врагом языком пушек и пулеметов. Вот замечательный советский асс, один из лучших защитников Ростова — капитан Николай Константинович Дураков. Это — кряжистый, белокурый человек, с ясными, умными глазами. Первый самолет он сбил 22 июня 1941 года под Брест-Литовском. Семь самолетов он сбил над Ростовом. О том, как он сбивает врага, он рассказывает кратко:

— Все произошло обычно: зашел ему в хвост, дал очередь, немец запылал. Для верности дал ему еще очередь и он пошел к земле. Теперь, думаю, — порядок.

Как-то Николай Константинович полчаса гонялся за «Мессершмиттом-109». Чего только не делал фриц, чтобы избавиться от него! Он пикировал, поднимался выше, всеми путями старался улизнуть. Краснозвездный самолет появлялся справа, слева, сзади. И когда «сто девятый», как выражаются летчики, с высоты 3.000 метров спустился до ста, советский асс открыл огонь и зажег врага.

Об одном случае прославленный летчик вспоминает с улыбкой. Как-то, в паре с капитаном Верниковым, они летели для выполнения

важного задания и повстречали группу фашистских стервятников, направлявшихся к Ростову. Сталинские соколы приняли бой. Вскоре Николай Константинович заметил, что «Мессершмитт-109» подкрадывается к самолету его напарника. Стремительным фигурным заходом он вышел в хвост врагу и сразил его на землю. Но выйдя из пике, капитан сам очутился в окружении стаи стервятников, а вскоре самолет его загорелся. Сбить пламя не удалось. Раненый Николай Константинович высвободил парашют, услышал страшный взрыв и больше ничего не помнил.

... Очнулся он во вражеском автомобиле. «Лучше смерть, чем плен», — подумал, и отяжелевшей рукой нащупал кабуру нагана. Кто-то резко схватил за руку, крикнул:

— Что вы делаете!?

Спустя несколько минут все объяснилось. Капитан без сознания приземлился в районе расположения нашей танковой части. Его везли в госпиталь, а машина была трофейная.

На аэродроме Верников показал ему фотографии с изображением обломков фашистского самолета и обгоревших трупов немецких летчиков.

— Это тот самый «Мессер», который тебя сбил. Я ему в брюхо угодил.

Четырнадцать немецких самолетов, сбил капитан Верников над Ростовом.

Вот другой советский «асс», старший лейтенант Александр Александрович Варламов. Он сделал триста боевых вылетов, но один из них запомнился:

Рано утром Варламов получил задание — перерезать путь и уничтожить немецкого разведчика, пробиравшегося в Ростов. Он поднялся в воздух. Фашистский самолет летел на очень большой высоте и, не подозревая опасности, фотографировал местность.

Заметив, наконец, советский истребитель, немец свернул в сторону и забрался еще выше. Варламов тоже набрал высоту и пошел в атаку, но немец оказался очень опытным. Он искусно менял направление, всячески пытаясь уйти из опасной зоны, однако Варламов неотступно следовал за ним и на огромной высоте, наконец, сразил его на землю.

Дураков, Верников, Смахтин, Варламов... Это они оберегали небо Ростова. Только за три дня боев в памятные летние дни 1943 года они и друзья их сбили около 90 вражеских самолетов.

И небо Ростова стало чистым. Люди Ростова могли трудиться, не поглядывая на облака...

БУДНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Наступило лето, знойное ростовское лето. Старый слесарь «Красного Аксая» Дмитрий Петрович Перцев уже не копался в обломках металла, а стоял у станка и изготовлял важные детали. Машинист

Камардин уже не волновался, поднимаясь на паровоз: это снова стало привычным делом. Фабрика имени Микояна не только ремонтировала обувь, Ростсельмаш, завод имени Воровского, фабрика пищевых изделий, десятки других промышленных предприятий города выпускали продукцию для фронта, и с заводских дворов их с каждым днем выезжало все больше и больше доверху нагруженных машин и подвод. На фронте и в тылу появились товары со знакомыми фабричными марками.

Освободители Ростова, видевшие разрушенные заводы и фабрики его, смотрели на папиросную коробку с маркой «ДГТФ», на банки с паюсной икрой с маркой «Ростовский Рыбзавод», на обувь с маркой «Фабрика им. Микояна» и дивились героизму советских людей.

Фабричные марки рассказывали о подвигах советских патриотов, как повести, являя собой живую, кипучую жизнь освобожденного города и за возрождение жизни этой советской Командование Южного фронта наградило восемьдесят два стахановца Ростова почетными грамотами.

И славили герои фронта героев тыла, и множили боевые успехи советского оружия, вдохновляя тружеников тыла на новые производственные победы.

И заводы, фабрики, мастерские в рекордные сроки с честью справлялись с производственными заданиями. Фронту понадобились сложные запасные части, и их принялись изготовлять на заводе, который вчера еще представлял собой груду развалин. Нужно было возродить жизнь разбитых автомашин — предприятия справлялись и с этой задачей.

Единство фронта и тыла было великим двигателем жизни, и она била ключем всюду, где реяло советское знамя, и она гнала врага все дальше на запад.

Ростов преображался. Но тревожные думы не покидали ростовчан. Таганрог, родной и близкий, еще стонал под пятой немецких оккупантов. Об этом дни и ночи говорили в каждом доме, в каждой семье и напряженно, терпеливо ждали того дня, когда над Таганрогом взметнется алый стяг.

И он пришел, этот день. 30 августа рухнула немецкая крепость в Самбеке. Гитлеровцы превратили это большое село в мощный оборонительный узел. В хатах и под хатами были огневые точки врага. Никогда не думал колхозник Черняков, что стены его дома, в котором он прожил шестьдесят лет, будут плотно обнесены каменным валом, а там, где были окна и висели кружевные занавески, будут стоять немецкие пулеметы.

Почти два года здесь строилась и совершенствовалась немецкая оборона. И вот, под стремительным натиском Красной Армии, Самбек — этот главный барьер на пути к Таганрогу — пал. Дорога в старый русский город, на родину Чехова, была открыта. И заиграли, заалелись по Ростову алые полотнища флагов и лозунгов. На площадях, у репродукторов стояли бесконечно счастливые люди и аплодировали словам приказа Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

И в ответ на приказ вождя, на величественный салют Родины, ростовчане салютовали партии и правительству, доблестным бойцам и офицерам Красной Армии новыми производственными победами.

На заводе, где директором тов. Кондаков, бригаде слесарей тов. Бурикова было поручено к 1 сентября закончить подготовку механизмов на пароходе «Ленин». Узнав об освобождении Таганрога, речники работали весь день и ночь и закончили ремонт досрочно.

На фабрике, где директором тов. Шипкаренко, славная победа Красной Армии была отмечена массовым перевыполнением норм. Настильщица закройного цеха Ксения Погодова выполнила в этот день две с половиной нормы. Столько же выработали стахановки Шилова, Деркусова, Грязнова, Цуканова, Яненко, Писарева и многие другие.

В честь славных таганрогских дивизий горняки комбината «Ростовуголь» выдали сверх плана в Особый фонд Главного Командования Красной Армии десять эшелонов высококачественного донецкого угля.

Колхозники Мясниковского района послали освободителям Таганрога Красный обоз с пятнадцатью тоннами различных продуктов.

И так было везде по советской стране...

ДЕНЬ, ПРОСЛАВЛЕННЫЙ РОДИНОЙ

Страна ликовала. Николай Тихонов в статье, опубликованной в газете «Труд», писал:

«Горит от радости народное сердце. Не легко дается победа, но вот она взята в бою. Взята смелостью и уменьем. Освобожденный Харьков шлет свой привет освобожденному Таганрогу. Ростов обнимает своего младшего брата. Столица нашей родины Москва салютует героям-таганрожцам. Ленинград сегодня в честь победителей боевых битв уничтожит не один вражеский дот, сожжет не один дзот и истребит не одну сотню коричневых бродят тотальных и нетотальных.

С берегов Балтики шлем мы сегодня горячий привет родным воинам на берегу Азовского моря».

Настроение народа в день освобождения Таганрога хорошо отразил Борис Горбатов в очерке «Праздник на нашей улице», опубликованном в «Правде». Он писал:

«Вот они пришли праздники на нашей улице! Ликует Россия, ликует встающая из пепла Украина. Люди Орла радуются освобождению людей Харькова и Таганрога. В Таганроге от счастья плачут люди. Я не вижу их, я знаю: мокрыми от слез лицами они припали сейчас к казачьим седлам, они целуют черные от пороховой копоти щеки пехотинцев-азербайджанцев, они целуют броню танков. Они глядят и наглядеться не могут на своих избавителей, они навеки хотят запомнить их лица, их глаза, их имена...».

Жена великого русского писателя, таганрожца А. П. Чехова, народная артистка СССР А. Книппер-Чехова, писала:

«Всем нам, советским людям, было горестно читать о немецких злодеяниях в Таганроге, о том, что Таганрог — в плену у немцев, и особенно горестно было читать мне, чьему сердцу родина Чехова была особенно дорога.

Вчера по радио мы услышали приказ товарища Сталина, объявляющий о новой победе Красной Армии, о взятии Таганрога. Уже больше не будет сапог немецкого солдата топтать прекрасные улицы Таганрога.

Таганрог наш! Какая это радость для нашей Родины! Мне выпало счастье видеть Таганрог в пору его расцвета. Я низко кланялось таганрожцам и шлю сердечные поздравления доблестным воинам Красной Армии, освободившим их от немецкого рабства.

Я верю, я знаю: наступит светлый день возрождения Таганрога. Снова загремит музыка в его парках, зацветут цветы в его садах. Снова в цехах его прекрасных заводов люди начнут творчески работать для себя и детей своих. Победы нашей армии — это победа жизни — над смертью, счастья — над горем, созидания — над разрушением. Слава освободителям Таганрога!»

И, перекликаясь с могучими раскатами орудий, страна посвятила освободителям Таганрога щедрый трудовой салют.

МОСКВА. В ознаменование освобождения Ростовской области и в честь таганрогских дивизий, на предприятиях столицы рабочие и работницы становились на стахановские вахты и брали на себя новые обязательства в соревновании.

На митинге работников инструментального цеха автозавода имени Сталина стахановец Александров с гордостью говорил о новой победе наших войск, а потом инструментальщики все как один встали на стахановскую вахту в честь героических дивизий, разгромивших таганрогскую группировку немцев.

С огромным воодушевлением прошел митинг на ткацкой фабрике комбината трехгорной мануфактуры.

— Красная Армия порадовала нас сегодня новым крепким ударом по врагу, — сказала старая работница тов. Тавровская.— встанем на стахановскую вахту в честь освободителей Таганрога! Сегодня же ночью дадим ткань сверх плана!

Работница Н-ской фабрики тов. Воликова, мать троих воинов — обязалась ежедневно выполнять норму не менее чем на 170 процентов.

Многолюдный митинг состоялся на заводе «Каучук». Рабочие, выступавшие на митинге, брали обязательства давать продукцию сверх плана, повысить производительность труда. Мастер тов. Рахмачев обязался в честь новой победы Красной Армии выполнить сменное задание на 130 процентов.

На заводе, где секретарем парткома тов. Трофимов, сразу же после передачи по радио приказа Верховного Главнокомандующего в цехах появились плакаты с короткой надписью: «Нашими войсками занят

Таганрог». Производственная работа в цехах проходила с большим подъемом.

На многочисленных предприятиях Москвы тысячи рабочих и инженеров, выступая на митингах, заявили о своей готовности отдать все свои силы для усиления помощи фронту.

БАКУ. На всех промыслах, заводах и фабриках Баку состоялись многолюдные митинги. Коллектив девятого промысла «Лениннефти», давно выполнивший августовский план, принял решение встать на фронтовую вахту.

Через шесть часов после получения радостной вести об освобождении Таганрога, в тресте «Лениннефть» рабочие пустили в ход несколько бездействующих буровых. Трест досрочно выполнил восьмимесячную программу добычи горючего.

Коллектив завода имени Берия рапортовал о выпуске сверхплановой оборонной продукции на один миллион рублей.

КАЛИНИН. Весть об освобождении от немцев Ростовской области и взятии Таганрога вызвала среди трудящихся Калининского района большую радость. Колхозники артели «13 лет РККА» в честь прославленных таганрогских дивизий снарядили красный обоз с картофелем и 3 сентября завершили уборку урожая и озимый сев.

ТАШКЕНТ. Когда столица нашей Родины салютовала в честь освобождения Таганрога, комбайнер зерносовхоза «Ударник» Семен Воронин первым досрочно перевыполнил годовое задание.

В этот же день знатный комбайнер Узбекистана орденоносец Дмитрий Рудов довел выработку своего агрегата до 1.464 гектаров. Высокой выработкой ознаменовали день освобождения Таганрога и мастера комбайновой уборки колхоза «Ударник», Григорий Александров, Валиула Сальманов, Степан Сахнов, убравшие в этот день по 50 га.

ГОРОД Н. Новая победа наших войск с особой радостью встречена коллективом завода, где парторгом ЦК ВКП(б) тов. Данилин. Здесь работают жители Таганрога. В своем приморском зеленом городе они были заняты выпуском мирной продукции. В начале войны они выехали в глубокий тыл и здесь, вместе с москвичами, ростовчанами, ленинградцами создали новый завод, качество продукции которого немцы испытали и под Таганрогом.

Взятие Таганрога коллектив ознаменовал досрочным выполнением августовского плана.

Коллектив одного из таганрогских заводов, эвакуированный в свое время в Казахстан, прислал своим землякам поздравительную телеграмму и решил отчислить на восстановление любимого города 100 тысяч рублей.

Так от Владивостока до Тбилиси от Еревана до Архангельска, от суровой Камчатки до солнечной Абхазии, — советские люди новыми трудовыми подвигами салютовали славным освободителям Таганрога.

ЖИЗНЬ

Мы перелистываем календарь. Он снова показывает февраль, но это уже не тот февраль, какой встретил нас год назад.

Отшумели военные грозы на Дону, затихла музыка боя под Таганрогом. Дорога войны переместилась далеко за Днепр, в бескрайние Украинские степи, и иная музыка зашумела теперь над Доном—музыка созидания и торжества освобождённого труда.

Посмотрите на Ростов! Это уже не город пепла и развалин, горя и разрухи, каким мы видели его год назад. Могучей жизненной силой дышет сегодня наш родимый город, а еще так недавно все здесь было—кладбище.

Четко и размеренно бьется жизненный пульс города, и никто уже не удивляется рабочим гудкам на заводах. Вдохновленные великим Сталиным, партийные и непартийные большевики Ростовской области, все трудящиеся сделали то, что казалось неосуществимым, невозможным. Год назад думалось, что легче свернуть горы, чем вдохнуть жизнь в развалины, и вот развалины ожили. Восстановленная промышленность уже выпускает на многие миллионы рублей различной продукции. Меньше и меньше становится в Ростове разрушенных домов, зияющих оконных проемов. Все преобразилось и постепенно приобретает прежний вид. Ростки возрождения буйно поднимаются все выше, и каждый новый день уже не тот, что был вчера.

Людно стало в областном центре. Десятки тысяч людей возвратились из эвакуации. Мы узнаем знакомые лица вернувшихся инженеров, артистов, ученых, врачей. Снова, как и в былые времена, рано начинается жизнь Ростова. Чуть светает, а улицы уже заполняются людьми. Утром они спешат на предприятия, в учреждения, институты, школы... Вечерами заполняют залы кино, театров, библиотек...

Так выглядит сегодня Ростов. Тяжко еще сегодня любимому городу нашему. Слишком много зла причинил ему враг-зверь. Но волей советских людей он живет и дышет большой русской жизнью, и с каждым днем, преодолевая трудности, становится на ноги все крепче. Животворное дыхание его могучим эхом разносится далеко вокруг, слышится в каждом уголке Дона, в каждой станице и хуторе. Это, он, израненный врагом, первый протянул братскую руку колхозам и МТС, словом и делом помогая колхозникам в восстановлении хозяйства; это он, едва собравшись с силами, прислал в станицы врачей и агрономов, учителей и киномехаников, в часы отдыха делал части для тракторов, учил юношей и девушек управлять машинами... И станицы возвратились к жизни, и жизнь эта вновь засветилась ярким, радостным светом...

Враг, как саранча, опустошил колхозные закрома, взорвал тракторы, разрушил МТС, сжег колхозные фермы и обрек колхозников на голод и смерть. Но великий маршал советского народа И. В. Сталин вызволил Дон из беды и вернул ему жизнь.

С тех пор прошел один год. Снова искристые снега покрыли донскую степь от Шумилинской до Ростова, и она отдыхает под ними в ожидании теплого весеннего солнца. Но это не та степь, какой мы увидели ее в феврале 1943 года... Отстроились станицы и хутора. Снова появились на Дону отары овец, табуны лошадей-дончаков, стада коров. Опять зашумела жизнь в машинно-тракторных станциях, в мастерских и колхозных кузницах,—трудная еще, напряженная, но радостная советская жизнь, и груженные хлебом, мясом и овощами машины и подводы уже движутся к заготовительным пунктам непрерывным потоком. Все свои возрожденные героическим трудом богатства отдает советский Дон матери-Родине, фронту и с каждым днем давать будет все больше.

А год тому назад больно было смотреть на станицы. Враг не оставил на них живого места, потому что станицы не признали врага и вредили ему, как могли.

Колхозник Рева Стефан Миронович из Егорлыкского района рассказывает:

— Станицу нашу немцы считали особенно зловредной. Не покорилась она захватчикам. Одни в партизаны ушли, другие создали здесь фронт без блиндажей и без пушек и колхозное добро берегли. Приедут, бывало, немецкие обозы за хлебом, а мы в один голос и старый и малый: «Нима хлеба», и уедут не солоно хлебавши. Тоже насчет меда. Немец охочь до меда, но и здесь ничего не получилось и все отвечали: нету у нас пасеки и меда нет. А пасека была хорошая. Староста был приезжий, потому что подлецов не нашлось у нас в станице. Как-то он прослышал, что в степи лежит много необмолоченного хлеба. Заявил немцам,—они приказали обмолотить хлеб и вывезти. Но люди все попрятались, и староста не мог никого на работу выгнать.

Когда староста начал угрожать, что карателей пришлет, случилась у нас в станице такая история. Кто-то ночью оделся во все белое, а когда староста проснулся, — в хате его, в темноте стояла страшная белая фигура с растопыренными руками и замогильным голосом говорила:

— Если ты не скажешь немцам, что ошибся, и в степи, мол, лежит не хлеб, а солома,—тогда напиши жинке письмо, почему она вдовой станет.

Не по-казачьи немножко получилось, ну, да только староста про обмолот больше не заикался. Тогда немцы взялись за хаты. Дочиста выметали и муку, и картошку, и масло—все. За курами гонялись, за скотиной—все одно, как волки, и в станице ничего после них не осталось. Тяжелое время было, что и говорить. А когда наши пришли—жизнь сразу посветлела. Закипела работа в поле, на ферме. Хлеб начали молотить и за несколько дней вывезли для фронта 7 тысяч пудов.

Он вынул записную книжку, перелистал ее и продолжил свой рассказ:

— Сдали мы государству за этот год 12 тысяч пудов хлеба, 583 пудов мяса, 5987 литров молока, 240 килограммов меда, 390 пудов овощей, 84 пуда яблок. Все поставки выполнили. Теперь у нас хозяйство почти прежнее. На фермах скот стоит и зябь вспахана. Все теперь, как у людей.

О себе колхозник Рева умолчал. Оказалось, что он и его друзья-пасечники заработали в минувшем году 150 пудов меда и распределили его так: 12 пудов передали инвалидам Отечественной войны, 12 пудов послали в подарок воинам Красной Армии, а остальное—реализовали и на вырученные деньги приобрели билеты Третьей денежно-вещевой лотереи: Рева—на 150 тысяч рублей, комсомолка Мария Петренко—на 100 тысяч рублей, Антон Высоцкий—на 10 тысяч рублей. Потом решили: все приобретенные билеты передать в фонд обороны.

Так служат Родине донские колхозники. Это—«молодые». Но старики тоже не сидят, сложа руки.

Колхозник из Семикаракорского района, Николай Петрович Журавлев, сам капитально отремонтировал 14 домов для семей фронтовиков. Ему более 60 лет и числился он в списках стариков. Но Николай Петрович пришел в Правление колхоза и заявил:

— Нельзя в наши дни дома сидеть. Позвольте и дедам потрудиться.

Ему предложили плотничать, и с тех пор старик вставал с постели с первыми петухами.

Вот еще: в Зызерском сельсовете, Тацинского района, живет колхозница Матрена Никифоровна Шестопалова. Ей 100 лет, но она целыми днями сидит у оконца и вяжет теплые вещи для фронтовиков. Сдавая для славных защитников Родины носки и рукавицы, Матрена Никифоровна непременно наказывает:

— Напишите бойцам, мол, это подарок от столетней бабушки и она, мол, хочет дожить до светлого часа нашей победы.

Так могут трудиться только советские люди. Ради победы Родины над врагом, они готовы перенести все невзгоды и лишения. И они стойко перенесли эти лишения в самые черные дни жизни Дона—в дни оккупации его врагом-зверем, перенесли потому, что они, эти простые русские люди, ненавидят врага всем сердцем. И это священное чувство движет всей их жизнью.

Именно поэтому и сдал государству животновод Низдрачев, из Мечетинского района, 67 тысяч литров молока, а обязался сдать 37 тысяч литров.

Когда у него спросили, в чем секрет этого рекорда, он ответил:

— Я весь год думал о том, как лучше отомстить врагу, и старался мстить ему стахановской работой.

Колхоз им. И. В. Сталина, Сальского района, в минувшем году собрал 13.876 центнеров зерна, 2 тысячи центнеров картофеля и овощей, возродил три животноводческих фермы, осветил хаты электри-

чеством и вывез государству 52 тысячи пудов хлеба, много мяса, молока, шерсти, овощей, вина.

Филипп Карпенко, председатель колхоза, и сам удивляется:

— Гляжу я вокруг и думаю: железные у нас люди. Посмотрите что у нас народ понаделал! Эдак мы уже хозяйство свое полностью на ноги поставим в этом, сорок четвертом, году.

И поставят. Поставят на ноги и города, и станицы. Таковы уж советские люди.

... Пройдут годы, но день 14 февраля навсегда войдет в историю Тихого Дона. С величайшей благодарностью матери-Родине, великому Сталину будут вспоминать наши потомки счастливый февральский день, когда Дон снова стал свободным и светлые воды его перестали багреть от крови народной. И 14 февраля над восставшими из пепла городами, над свободными станицами и хуторами донскими еще сильнее зазвучит рожденный в суровых битвах гимн бессмертной славы святого отечества нашего — могучего Советского Союза.

«Славься, отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!»

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЦЕНА 3 руб.

4182